

Попова И. В.

К ВОПРОСУ О СУДЬБЕ И ПОЛЬЗЕ ЭМПИРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ В РОССИИ

Попова Ирина Викторовна – доктор социологических наук, профессор кафедры социальных технологий Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова Россия, Ярославль, 150000, ул. Союзная, 141., к. 162

E-mail: pivik@list.ru

Тел.: +7(906) 609 99 29

Аннотация. В статье поднимается ряд проблем состояния эмпирической социологии: профессиональная подготовленность молодого поколения российских социологов, неграмотность использования методов социологического исследования в смежных науках, публичное негативное отношение самих социологов к количественной социологии. Автор показывает, что позиция социологов, занимающихся самокритикой, не подкреплена убедительными аргументами, доказывающими несостоятельность метода социологического опроса, а также в нарушении самими исследователями требований выборочного метода и создания инструментария.

Приводится описание авторской методики лонгитюдного исследования, проводимого методом нарративного интервью – личная автобиография, написанная самим рассказчиком (письменная традиция). На основе предложенного метода, отличающегося максимально выраженной субъективностью, автор показывает возможности глубокого доступа к внутреннему миру личности. Созданная автором методика убедительно показывает, что отношения между интервьюером и информантом в данном случае являются межличностными отношениями двух субъектов общения, что делает их диалоговыми, несмотря на заочное общение через транскрипт. Это условие существенно влияет на возможность фиксирования социальных процессов, что особенно важно в эпоху перемен. Нарративный посыл, заключающийся в том, что необходимо описать свой жизненный путь как историю взаимоотношений между личностью и обществом в виде автобиографии, позволяет информанту выстроить реальность своей жизни так, как она представляется ему на данный момент.

В статье даётся описание полученных результатов с целью обогащения теоретического знания качественной социологии, с одной стороны, и лучшего понимания социальной реальности – с другой. Задача понимания социальной реальности обоснована теми процессами, которые происходят в обществе, находящемся на сломе различных эпох его существования, что само по себе уникально.

Ключевые слова: количественная социология, качественная социология, нарративное интервью, нарративный посыл, транскрипт.

В данной статье мне хотелось бы поднять проблему состояния эмпирической социологии в России. Сразу слышу встречный вопрос: «А в чём, собственно, проблема?». С моей точки зрения проблем много. Например, выступления молодых социологов на конференциях удручают пренебрежи-

тельным отношением к построению и объёмам выборки, плохим знанием сути используемого метода исследования, засильем англоязычных терминов, употребляемых не всегда корректно, качество самих исследований часто оставляет желать много лучшего, а ещё больше вопросов вызывает научное руководство такими исследованиями. Это напрямую выходит на проблему социологического образования в России, на формирование у молодых социологов профессиональной ответственности и добросовестности.

Ещё одна проблема связана с использованием методов социологического исследования в смежных областях знания. Я участвую в работе диссертационных советов по другим гуманитарным наукам, в которых защищают работы, выполненные с использованием результатов эмпирических социологических исследований. В подавляющем большинстве своём эти результаты не достоверны, каждый раз я выступаю в обсуждении с просьбой, используя методы социологического исследования, строго придерживаться тех требований, которые существуют в социологии, так как только в этом случае можно получить достоверный результат. Всё тщетно! А ведь, строго говоря, такие работы вводят всех в заблуждение, и положения научной новизны вызывают большие сомнения. ВАК РФ отменил практику научного консультирования при выполнении диссертационных исследований. Возможно, что в рамках одной науки в этом нет смысла. Но, учитывая прикладной характер социологии и растущую практику проведения подобных исследований в педагогике, психологии, экономической теории, культурологии и др., считаю абсолютно необходимым выполнение диссертаций с использованием методов социологического исследования осуществлять при участии научного консультанта-социолога.

Кроме того, хочу поднять проблему научных целей эмпирических исследований. Начну с впечатлений, с которыми вернулась с IV Социологического конгресса в г. Уфе (2012 г.). На секции «Методология и методы эмпирических исследований» мною было представлено описание собственной методики и результаты исследования, которое я провожу на протяжении 20 лет. Представляя полученные результаты, я рассчитывала и на оценку самой методики, считая, что она позволила мне достичь поставленной цели и решить сложные исследовательские задачи, но в большей степени, на оценку самого материала, как источника информации о происходящих в сознании людей процессах, о которых мы, как показало исследование, имеем смутное представление. То есть на обсуждение достигнутого результата, полученного с помощью авторской методики. На деле всё обсуждение свелось к тому,

какой был нарративный посыл, как он был сформулирован, можно ли так проверить знание студентами прочитанного курса и что студенты, делая эту работу за зачёт, ничего толкового не напишут. Это, в конечном итоге, и заставило меня выступить с дискуссионным материалом. Поэтому тон статьи может быть полемическим, а суть заключается в следующем: уделяя слишком много внимания вопросам методологии, что важно для социологов-профессионалов, мы совершенно не обращаем внимания на вопросы становления и укрепления позиций в российском обществе прикладных исследований, которые, служа обществу, поднимают авторитет науки и делают её важной для всех людей. Мы так увлеклись наукой для себя как средством самоутверждения, что перестали служить людям. Следствием этой тенденции стало то, что наши социологи создают некую моду на критику количественного исследования, пытаюсь показать, как ненадёжны его результаты в силу слабой компетентности респондентов. Сколько раз мне приходилось слышать на солидных конференциях риторические вопросы о том, как же можно спрашивать у этих людей, например, о том, как устроен самолёт, или что они знают о внешнем виде инопланетян? Стало модно, приводя результаты количественного исследования, говорить о «средней температуре по больнице». Ведущий аналитик «Фонда общественное мнение» доктор социологии Л. Паутова, выступая на канале ТВЦ, назвала социологическое исследование шаманством, на что, сидящая в студии аудитория, взорвалась аплодисментами! Высекла себя как та унтер-офицерская вдова. А вместе с собой и всех нас, профессиональных социологов, которые, в отличие от «Фонда общественное мнение», вынуждены искать деньги на свои исследования, доказывая, как они нужны обществу. Встаёт вопрос: чем же занимаются известные и уважаемые центры по изучению общественного мнения? Возможно, не метод плох, а исследователи не умеют создать качественный инструментарий? В той программе, где выступала Л. Паутова речь шла о вопросе, выявляющем количество богатых и бедных людей в российском обществе. Приводился вопрос: «Кем Вы себя считаете?» со шкалой: богатым, среднеобеспеченным, бедным. Понятно, что критиковался вопрос, доктор социологии объясняла, что в России бедные люди стесняются сознаться в своей бедности, а богатые прибедняются. Но не об этом нужно говорить с рядовыми гражданами, а о том, что социологи используют более точный инструмент, который вполне позволяет определить количество и бедных, и нищих, и сверхбогатых, разговаривая на понятном людям языке. Именно это делает социологическое исследование незаменимым способом знать правду об обществе, в котором мы живём. Есть более точная шкала, которую используют социологи, позволяющая по полученным результатам выделить группы богатых и бедных, среднеобеспеченных и сверхбогатых, опираясь не на самооценку, а на выбор понятных респонденту вариантов ответа. Если человек выбирает вариант: «Денег хватает только на питание, да и то по

минимуму. Для нас покупка одежды – большая проблема», то это означает, что исследователь получил результат, показывающий удельный вес бедных людей в обществе. Но, выбирая этот вариант, человек и не должен знать, что таким образом он относит себя к числу бедных.

Или, если я получила в своём исследовании результат по вопросам: «Что положительного Вы видите в приезде мигрантов в Ваш город?» (можно было отметить все возможные варианты ответов) и «Что отрицательного Вы видите в приезде мигрантов в Ваш город?» (можно было отметить все возможные варианты ответов), это не позволяет мне объяснить, в каком состоянии находится общественное мнение по проблеме взаимоотношений между этими группами населения. Любой поймёт это даже без особых объяснений.

Таблица 1

**Что положительного местное население видит в приезде мигрантов,
% от числа опрошенных (N=400)**

Они работают там, где не хотят работать местные жители	45,8
Привозят в город дешёвые товары и продукты	13,8
Обогащают нашу культуру	3,1
Улучшают демографическую ситуацию	4,3
Способствуют экономическому развитию нашего города	5,2
Ничего положительного в их приезде не вижу	37,2
Затрудняюсь ответить	15,7

Таблица 2

**Что отрицательного местное население видит в приезде мигрантов,
% от числа опрошенных (N=400)**

Они занимают рабочие места, необходимые местному населению	24,0
Торгуют товарами и продуктами низкого качества	50,2
Являются переносчиками болезней и источниками антисанитарии	43,7
Способствуют росту преступности	54,2
Неуважительно относятся к местным жителям и нашим традициям	51,7
Ничего отрицательного в их приезде не вижу	5,5
Затрудняюсь ответить	8,9

О какой средней температуре по больнице можно говорить? Даю это без всякого анализа, чтобы читатель мог сам увидеть, что нет никакого «шаманства», нет никакой «средней температуры по больнице». Если инструмент создан правильно, то с помощью полученных результатов любой человек может увидеть, например, как выглядят отношения между принимающим населением и трудовыми мигрантами в его городе. А специалисты могут принимать решения, адекватные сложившемуся общественному мнению.

Занимаясь более двадцати лет исследованиями от написания программы и до обработки данных, могу с уверенностью сказать, что составление анкеты – это не просто ремесло, это искусство. Искусство, которое заключается в том, что нужно суметь выстроить заочный, анонимный разговор так, чтобы любой и каждый, кому придётся отвечать на предложенные вопросы, чувствовал «присутствие» собеседника в разговоре и искреннюю заинтересованность в его личном мнении, и уважение к нему. Так и давайте на профессиональных собраниях обсуждать наши профессиональные российские проблемы и делать это на равных, независимо от того, кто и где живёт и работает и не ради самоутверждения, а ради науки. А в публичных выступлениях показывать самоуважение к своей науке, поднимать её авторитет в глазах общества, показывать какую пользу приносит социология людям, воспитывать в обществе уважение к научному знанию.

После прошедших выборов Президента РФ, как это обычно бывает, наблюдалось повышение интереса к социологии, связанного с предсказанными результатами голосования. Мне понятны претензии обычных людей, которые пользовались этими результатами, они справедливы. Однако мне не всегда понятны ответы представителей социологических служб, которые комментировали эти результаты: если каждые выборы страдает репутация социологической науки, почему профессиональное сообщество не обращает на это никакого внимания! Ведь дело не в респондентах, которые чего-то не знают или врут. Дело в нарушениях, связанных, во-первых, с использованием типа выборочной модели. Большей частью используется квотная выборка, причём по двум признакам: пол и возраст. Но для исследования электорального поведения в условиях отсутствия политической структуры, когда велика доля маятникового электората, когда средства информации используются как административный ресурс в пользу одного кандидата, особенно в условиях Москвы, где социальная структура одного района сильно отличается от другого, такой тип выборки использовать нельзя. Во-вторых, используют телефонные опросы, которые в принципе не могут воспроизводить параметры генеральной совокупности т. к. у нас нет стопроцентной телефонизации населения. В-третьих, проводят много уличных опросов, нарушая при этом технику их проведения. Например, ставят интервьюеров у входа в метро, что по правилам уличного опроса запрещено. Все эти и многие другие нарушения ведут к искажению информации, к получению недостоверных результатов. Но ведь обычным людям этого не объяснишь, они не должны в это вникать. Это дело профессиональной совести или подготовленности тех, кто занимается опросами. Честно говоря, если меня спросят: «Что делать?» я не уверена, что смогу ответить на этот вопрос. Раньше бы я сказала, что необходимо лицензирование социологических служб, это хоть как-то могло бы помочь нашему профессиональному сообществу. Но

после того, как пошла мода у социологов заниматься публичным самобичеванием, мне трудно себе представить как можно поднять авторитет социологии как науки, служащей, прежде всего, людям.

Чтобы показать, как важно её сохранить, повысить уровень эмпирических исследований и помочь обычным людям понять, что происходит с обществом, представляю читателю своё исследование, которое я назвала «Я и общество. Автобиография». С точки зрения метода «история жизни» — это личная автобиография, написанная самим рассказчиком (письменная традиция).

Начну с краткого описания созданной методики. Работу «Я и общество» пишут студенты 4 курса различных специальностей в завершении изучения курса «Социология». В данном случае не ставится задача проверки знаний студентов по дисциплине, которую я преподаю, есть другие формы контроля. И дело вообще не в зачёте, здесь студенты выступают в качестве объекта социологического исследования, а преподаватель — исследователь и интервьюер. Нарративный посыл заключается в том, что необходимо описать свой жизненный путь как историю взаимоотношений между личностью и обществом в виде автобиографии. И вот здесь я хочу вернуться к обсуждению этого момента на Социологическом конгрессе. Очень настоятельно от меня требовали пояснить, в чём посыл. Я, честно говоря, так и не поняла, чего от меня хотели. Просто покажу, что такой посыл, который был у меня, оправдал мои надежды как исследователя. Он был сформулирован так, чтобы каждый информант смог написать в работе именно то, что было в его жизни важным для него. И чтобы доказать, что это позволило мне решить задачу исследования, ниже приводятся примеры из транскриптов:

- «Интересный вопрос — я и общество. Что я сделала для общества, и что оно сделало для меня? Это — серьёзно. И это надо исследовать. Очень глубоко и объёмно. Не знаю, насколько так у меня это получится, но попробую. Для этого нужно выбрать свой подход. Можно описывать этапы своей биографии и делать выводы, можно делать другие, но тоже важные выводы из биографий своих родителей и особенностей воспитания меня моими мамой и папой. А можно проанализировать своё поведение в тех или иных поступках и сделать проекцию в прошлое. Может, это не научно, но я именно этим и займусь. Итак...»
- «Для меня слово «общество» чужое. Оно всегда ассоциировалось с чем-то враждебным, неумолимым и холодным, как каменная твёрдая стена, без выражения и мысли. Вспомните хотя бы словосочетания «общественное мнение», «общественная

огласка», «общественное осуждение». Получается, что общество является каким-то ограничителем, тормозом в проявлении человеческой свободы. А свобода — это самое дорогое и ценное, что есть у человека. По-моему, каждый человек счастлив, ощущая, что он свободен. Отберите у человека свободу, и вы отберёте у него мысль, покой и жизнь...».

- ««Я и общество». Звучит как-то громко и велико. Хотя именно слово «общество» и придаёт торжественность этому словосочетанию. А если посмотреть с другой стороны, то без маленького «Я» как раз и не будет этого громкого слова — «общество». Так что как ни крути, но эти понятия между собой неразделимы. Вот и начну я свой рассказ о моём маленьком «Я» как о незаменимой частичке нашего большого общества...».

- «Письмо обществу. Привет общество! Извини, что я на «ты». Думаю, что не обидишься. Мы ведь с тобой 20 лет вместе живём. Хотя я до сих пор не могу понять: какое ты? Плохое или хорошее? Не могу разобраться: люблю тебя или ненавижу? Одно знаю точно: маленькую частичку тебя я люблю всей душой. Это — мои родители, брат и другие родственники. Иногда мне кажется, что только ради них я и живу с тобой общество. Хочу, чтобы ты не обижало их, общество, чтобы им было комфортно быть твоей частью. Ещё спасибо тебе, общество, за то, что ты подарило мне друзей. Признаю, что иногда я не ценила этот дар. Ты ведь помнишь мою ошибку? Да-да, тот самый случай, когда в 9 классе я поругалась со своей лучшей подругой. Как потом оказалось, вернуть прежние отношения нам не удалось. Она стала той частью общества, о которой вспоминают не так уж и часто. Она стала просто знакомой. Очень жаль. Так, наверное, ты учило меня ценить и беречь друзей. А знаешь, общество, обращать на тебя внимание я стала не так уж давно — лет с 15-ти. Когда была ребёнком, целым миром для меня был дом. До сих пор для меня — это святое место. Место, где меня всегда ждут; место, где у меня отдыхает душа. К сожалению, ты редко даёшь мне возможность побывать там. Примерно с 10-ти лет я начала понимать, что вокруг меня есть ещё куча людей. Эти люди мне — никто. Но я живу среди них. Интересно! И лишь к 15-ти годам я поняла, что для того, чтобы жить с тобой, общество, нужны определённые правила. Иногда в чём-то надо отказывать себе, иногда — другим. Иногда мне кажется, что тебя ненавижу. Помнишь лето, когда затонула подводная лодка «Курск»? Этим событием ты навсегда разбило мне «розовые очки». Извини, общество, но в трагедии я винила только тебя. А потом поняла, что я тоже, наверное, в чём-то виновата. Ведь я — часть тебя. После этого я стала взрослее. Стала взвешивать ответственность за свои поступки. А помнишь, общество, когда ты в детстве меня чем-то обидело (сейчас уже не помню чем) и я хотела уйти от тебя. Попросила папу принести лестницу и пробовала залезть по ней на небо. Не получилось. Вот наивная! Иногда ты меня пугаешь. Я боюсь

пьяных, скверно ругающихся молодых людей, боюсь озлобленных пенсионеров. Как с ними жить? Неужели под всё надо подстраиваться? Не хочу! Но, пока я живу с тобой, общество, надо находить общий язык. Ты-то без меня проживёшь, а я без тебя нет. Извини, что я часто обижаюсь на тебя. Вот такая я непокладистая. Постараюсь быть лучше и постараюсь сделать тебя лучше. Это не голубая мечта. Пока, общество! Ещё поговорим!».

Эти примеры показывают, что для информантов предложенный нарративный посыл открывает возможности рассказать о том, что важно и интересно для них самих, а для меня, как исследователя, интересно всё. Потому что моя задача состоит в том, чтобы увидеть, как социальное связано с индивидуальным. Вообще же цель данного эмпирического исследования заключается в том, чтобы через изучение автобиографических эссе «Я и общество», написанных студенческой молодёжью, попытаться проследить, как изменения институциональной структуры общества оказывали влияние на формирование новых когорт. Кроме того, это исследование, будучи лонгитюдным, позволяет выявить взаимосвязь между изменением социокультурной среды и социальными процессами, затрагивающими всю систему социальных отношений именно в силу подобного нарративного посыла.

В целом анализ собранного материала показал, что жизненный путь человека складывается из многих взаимосвязанных жизненных сфер. Если же попытаться выделить основные жизненные сферы, о которых больше всего говорит данная социально-демографическая группа то это: семейная жизнь и отношения с родителями, сфера образования и самоопределения в обществе, сфера взаимоотношений с другими людьми, любовь и дружба, история семьи. Исследование личных письменных рассказов о жизни информанта – как способ получения информации – позволил, с одной стороны, реально увидеть социальные механизмы, формирующие жизненные стратегии людей, социализирующихся в обществе, а, с другой – понять способы восприятия социальной реальности через усвоение личного опыта. Учитывая, что объектом исследования является определённая социально-демографическая группа, а именно – студенческая молодёжь, а также длительный период проведения исследования, можно говорить о том, что полученные результаты дают возможность увидеть процесс формирования такого социального типа как «российская учащаяся молодёжь». Особенностью данного исследования является также и то, что в нём изменения институциональной среды рассматривается не глазами информантов, а глазами исследователя, который

на протяжении многих лет накапливает информацию о каждом следующем возрасте акторов. Следует учитывать, что это возможно только при проведении лонгитюдного исследования при большом накопленном материале, то есть речь идёт о статистической значимости этого материала, в том её понимании, что сам объём полученной на протяжении 20 лет информации позволяет выявлять тенденции в развитии тех, или иных социальных процессов.

Создание методики потребовало обратить внимание на такую особенность качественного исследования как взаимоотношения между информантом и интервьюером. Сущностной характеристикой метода интервью является навязанность общения. В отличие от методологии количественного исследования, устанавливающей субъект-объектные отношения между исследователем и исследуемым, методология качественного исследования устанавливает субъект-субъектные отношения. Однако в социологической теории имеет место дискуссия по поводу характера этих отношений, влияния активности партнеров в нарративном интервью на содержание рассказа, вовлеченности в процесс общения. [Готлиб, 2004: 218-220; Бургос, 1992: 29; Каган, 1988: 128-129]. Отработка методики заставила обратить внимание и на такую характеристику отношений как анонимность. Первые годы я просила подписать работу и, анализируя тексты, почувствовала некоторую скованность в описании важных моментов в жизни информанта. Это понимание и заставило меня задуматься над значением отношений информант-интервьюер в качественном исследовании [Попова, 2012: 183]. Пришло понимание, что работы должны быть анонимными, а сама методика предполагает написание работы дома. В тоже время, важной частью методики оказалось то, что информант ведёт свой заочный нарратив с человеком, с которым у него сложились определённые отношения. Более искренними были работы тех студентов, с которыми сложились наиболее тёплые отношения в процессе обучения. Преподаватель, который работает с группой студентов в течение семестра — это уже не посторонний человек, ему можно рассказать то, чего не скажешь при личном обычном общении с человеком, которого впервые видишь. Об этом говорит тот факт, что в своих работах авторы вступают со мной в диалог, задают мне вопросы, спорят с тем, о чём я говорила на занятии. Это придало исследованию особый смысл, оказало особое влияние на характер получаемой информации. Этого нельзя доказать с помощью текстов, нет контрольной группы. Однако условие анонимности получило свою оценку в работах: «Здорово, что анонимная работа! Как будто не про себя пишешь, поэтому не на показ. Постараюсь, чтобы каждое слово было честным. Простите, что поток мыслей!». В другой работе можно также найти подтверждение верности использованного приёма заочного разговора знакомых людей, автор начинает свою историю так: «Уважаемая Ирина Викторовна, мне нравится писать эту работу в форме автобиографии. Вам может показаться, что такой вариант позволит мне пойти «по пути наименьшего сопротивления». Уверю вас, это

не так. Ведь чтобы написать эту работу правдиво, мне необходимо вспомнить о своей жизни всё в деталях, даже то, что многие годы я очень усердно старалась забыть...». Ещё одно подтверждение того, что разговор ведут не с абстрактным или «чужим» собеседником: «О себе я больше, наверное, ничего рассказать не смогу. Всё, что я знала, я Вам уже рассказала. Но я сама для себя – мир, который заполнен тайнами. Как только что-то ещё узнаю, обязательно приду к Вам с новым посланием. Ирина Викторовна! Спасибо за то, что потратили своё время на маленький кусочек меня и моей жизни».

Вот несколько отрывков, которые подтверждают гипотезу о том, что данная методика позволяет проникнуть в сознание информанта за счёт личного характера отношений преподаватель-студент:

- «Вы можете вполне обоснованно обвинить меня в скучности текста и большого количества ошибок. Насчёт первого скажу – это моя жизнь, и, пожалуй, она не такая уж и интересная. И почему-то мне не хочется писать как-то интересно. Это моя память. По поводу ошибок. Я не буду перечитывать то, что написала. Это поток моего сознания. Я не хочу его нарушать правкой. Скучно и с ошибками? Зато честно. Ни одного момента в этой автобиографии я не приукрасила».
- «Может быть, Вам будет неприятно читать это. Может быть, автор этих «записок» вызовет у вас отвращение. Но Вы мне тоже не очень-то нравитесь. Спасибо Вам за эту возможность высказаться. Поговорить о самой себе. Вспомнить давние боли и обиды».
- «А вот Вы знаете, что некоторые молодые люди своих родителей стесняются? Я такое много раз встречала. Мне кажется – это ужасно! Представьте только, вот они ждут ребёнка, мать его вынашивает, рождает, мучается, потом родители всю душу в ребёнка вкладывают, всё лучшее для него, а результат – он их стесняется! А стесняется потому, что одет как-то не так. Или у меня был знакомый, за ним мама всю жизнь бегала, переживала, а он однажды сделал вид, что её не знает, потому, что она некрасивая».
- «В большинстве своём людям интересно читать и слушать только про себя (или имеющее отношение к ним), и только бедному преподавателю социологии *приходится* читать чужие биографии...».

Все эти примеры приведены для того, чтобы показать эффективность использованного приёма: общение анонимно, но происходит оно с человеком, с которым есть определённые отношения. Данный приём обеспечивает доступ в самые глубинные слои человеческого сознания.

Теперь хотелось бы показать собственно сам результат исследования. Описание полученных результатов, на мой взгляд, заслуживает обнародования с целью обогащения теоретического знания качественной социологии, с одной стороны, и лучшего понимания социальной реальности, с другой. Задача понимания социальной реальности обоснована теми процессами, которые происходят в обществе, находящемся на сломе различных эпох его существования, что само по себе уникально. [Готлиб, 2000]. Тем важнее становится материал, который позволяет увидеть, как общественные процессы отражались в судьбах конкретных людей в разные периоды «лихих девяностых». Сейчас модно абсолютно бездумно использовать этот штамп. А вот насколько трагическими были эти «лихие девяностые» можно осознать, только читая транскрипты информантов, пропустивших это через свою жизнь. Как изменения институциональной структуры общества оказывали влияние на формирование новых когорт, что пришлось пережить молодым людям и их родителям, как эти новые поколения ощущают себя в обществе [Попова, 2011: 270-273]. Привожу транскрипты без аналитических комментариев, хотя понимаю, что в исследовании главное анализ, но в данной работе, написанной для коллег, хочу только показать, как авторы текстов говорят сами за себя, каждый из них действительно целый мир!

- «В школе я всегда была активисткой, мне нравилось готовить разные мероприятия и участвовать в них. Когда я состояла в пионерской организации, я верила в какие-то идеалы, мне было интересно. И, конечно же, думала о том, что я обязательно буду комсомолкой. Но этого не произошло. Как-то очень резко сменилось общественное мировоззрение, и я невольно пошла на поводу у него. Я пришла к выводу о никчемности всего этого. Сейчас мне кажется, что теперь, когда нет идеалов, жизнь обеднела. Приблизительно в 14 лет я как бы разделилась на несколько людей: одна для школы, другая для папы с мамой, третья для себя, четвёртая для компании. Самая ужасная «я» — «для компании». Я теперь вспоминаю об этом и не верю, что это была действительно я. Там уважали тебя за то, что ты курила, пила, ругалась матом, одним словом, была, как тогда казалось, «крутой». Всё, что я перечислила, не так страшно в сравнении с тем, что была во мне какая-то жестокость. До сих пор вспоминаю, как мы вдвоём избивали человека, когда наша компания дралась с ребятами из другого города, которые только пришли на дискотеку. Я недоумевала, откуда это берётся. Я не могу без слёз смотреть, когда по телевизору показывают убитых животных. А тут такое. Может, это было желание выделиться, чтобы тебя уважали. Но разве стоит тратить усилия на то, чтобы добиться *такого* уважения?»
- «...Но были в процессе обучения и довольно приятные стороны. Например, когда всех юных школьников посвящали в октябрята. Было приятно сознавать, что ты уже часть огромной страны, ты — член об-

щества. И в тот момент, когда мне на форму цепляли значок в форме звёздочки с профилем дедушки Ленина, я была ужасно горда. Но тут же нас всех поджидало разочарование. В тот год, когда нас должны были наконец-то посвятить в пионеры, произошло что-то непонятное. Мы так готовились к этому событию, а тут вдруг раз — и всё смолкло. В тот момент я поняла — что-то в нашей великой стране не так. Взрослые люди говорили тогда: «Всё! Теперь всё будет по-другому!». Но особо вроде бы ничего не поменялось в моей школьной жизни. Только вот уже купленный новый красный пионерский галстук так и остался лежать дома, в шкафу. Вот так я не стала пионеркой! Через пару лет отменили и школьную форму. Как я была тогда рада! Однако в нашей школе остались строгие правила: «белый верх, черный низ!»! Ну никакого самовыражения! Форму я, наверное, выкинула сразу. (Боже мой, как опрометчиво! Так сложно потом было найти её у кого-нибудь, чтобы выступить на «Последнем звонке»). Сейчас я понимаю, что жила каким-то своим, узким миром. Я мало интересовалась жизнью в стране. Это, наверное, и повлияло на мою сегодняшнюю аполитичность. Я просто старалась жить по совести, так, как живут мои родители. Ярким примером «правильности», а иногда даже излишней скромности является мой папа. Будучи подполковником милиции (а сейчас полковником), он никогда не пользовался предоставляемыми ему льготами. Даже в санатории никогда не ездил. Как-то не до этого было. В общем, я росла сознательной, и ловила себя на мысли, что я иногда — абсолютная альтруистка. Мне кажется, что если ставить общее превыше личного, то это помогает найти смысл в жизни. В 15 лет я стала настоящей гражданкой РФ (так, оказывается, теперь называется наша страна). Свой Паспорт я по-настоящему выстрадала! Выстояла в очередях безразмерной длины. Мне тогда показалось, что весь мир вдруг ринулся получать паспорта, потому что мне не один день приходилось вставать в 6 утра в свои заслуженные каникулы! А очередина ну никак не хотела заканчиваться. Взамен своего недосыпания я получила новенький документ и окончательно разочаровалась в нашей бюрократической системе. Зато как гордо звучат слова «Гражданин Российской Федерации»! Теперь я могу делать всё, что угодно (в том числе и выходить замуж, к чему совсем не стремлюсь), но за всё придётся платить в прямом и в переносном смысле. Да... Теперь я понимаю, что в момент получения паспорта человек,

наверное, впервые по-настоящему задумывается о своих правах и обязанностях. Я никогда не загадываю на будущее. По-моему, в России это напрасная трата времени. Здесь всё так непостоянно, так неопределённо. Но это и к лучшему. Так просто интереснее живётся. И я всегда буду благодарна Богу за то, что родилась в России. Да, здесь многое нужно менять, много ещё ошибок исправить. Меня не устраивает микроскопическая пенсия моей бабушки, которая работала всю свою жизнь и продолжает работать сейчас, чтобы было что поесть. И не устраивает наша медицина, и обслуживание... Но как всё же хорошо, что я живу здесь! Я, конечно, не смогу изменить жизнь всех людей к лучшему, поднять их уровень жизни хотя бы до среднего. Но у меня есть шанс помочь своим близким, своими силами устроиться в жизни. Только здесь, видимо, я буду счастлива. И уезжать из России нет никакого желания... (Ух ты! Я вдруг поняла, что я патриотка!!!)».

• «За время, когда у нас был бизнес, мои родители не отдали рэкету ни копейки. Однажды наш ларёк, который располагался в центре, подожгли, все знали, кто это сделал, а милиция найти не смогла. Мой отец сам поймал воров и привёл в милицию. Там его отблагодарили, налили стакан водки, и с тех пор папа дружит с ними до сих пор. Вся эта эра бизнеса продолжалась до тех пор, пока я не пошла во 2-й класс. Тогда ларьки убирали, сначала из центра, потом из Ребровки. Мои родители не знали, куда пойти зарабатывать деньги, начались скандалы, папа орал на мать, мама на отца. Каждый день. Ели мы кашу овсяную, пшённую иногда макароны. Так продолжалось до моего 5 класса, отец, наконец, устроился на стабильную работу на завод, мама тоже нашла работу. Ещё из девяностых я помню постоянные забастовки учителей, я так радовалась, ведь каникулы у нас были минимум 6 раз в год. Разгула наркомании, о котором все говорят, я не помню. Зато я помню так называемые «разборки», кода собиралось человек по 50, в руках у них были биты, кастеты, ножи. Они приходили на пустырь и как-то, начинали драться. Драка длилась минуты 3, потом приезжала милиция, их ловили и разгоняли. За это время они успевали порезать друг другу ноги, рассечь кастетом лицо и т.п.».

• «Каждому человеку не раз в жизни приходилось сталкиваться с обществом. Да и по-другому не может быть, ведь мы живём в обществе людей. У кого-то контакт с обществом проходит безболезненно, кто-то приспособливается, а кто-то, не выдержав силы этого столкновения, просто перестаёт существовать... Меня же общество сделало сильнее, а где-то и циничнее. Но начнём по порядку. Первое осознанное столкновение с обществом произошло, когда мне было пять лет. Как и большинство детей, я ходила в детский сад. Этот маленький мирок, детский микрокосм не привлекал меня. Я не любила ходить в детский сад и не потому, что там заставляют есть манную кашу, а потому, что там начинают убивать инди-

видуальность. Именно в детском саду я ощутила на себе всю прелесть социального неравенства. Если, к примеру, у Маши папа большой начальник, то ей можно не спать в тихий час, кидаться песком и вообще воспитатели на неё не будут кричать, дабы не травмировать нежную детскую психику. А если твой папа простой электрик, то тебе не повезло. И не потому, что твой папа хуже другого отца, просто это общество так расставило приоритеты. И тогда я сделала для себя определённый вывод, что деньги и социальный статус ценятся больше, чем доброта и искренность. А ещё я поняла, что если ты не такой как все, рисуешь не так или не так складываешь тюльпаны из бумаги, то тебе будет не сладко среди людей. Вот именно с этим я и столкнулась. Я видела мир по-другому, но для большинства твоё мнение не имеет значения. Есть рамки и выйти за них нельзя».

• «События в Беслане, думаю, не оставили никого равнодушным. Кого-то переполняла скорбь, кого-то боль, жалость, а кого-то злость. Восьмого сентября этого года, после этих страшных событий, я возвращалась из Калининграда в Москву на самолёте. Времени 8.30. Полный самолёт. Все сели. Лёгкое волнение, т.к. почему-то вылет задерживается на 15 минут. Начинается суэта, пассажиры перешёптываются, начинают ходить по самолёту... Я замечаю лишь одну женщину, которая абсолютно спокойна. Она, скорее всего, чеченка (молодая, темные волосы, вся в черном, как показывают по ТВ террористок). Другая женщина, сидящая за мной, вдруг громко заявляет стюардессе, что сейчас все пассажиры выйдут из самолёта, если кого-то не высадят. Позже понимаю, что речь идёт именно об этой нерусской женщине. Суэта переросла в панику. Все начали вопить громче, вспоминать все террористические акты, рассказывать какие-то истории... В итоге стюардесса подошла к чеченке и мило улыбаясь сказала: «Просим Вас покинуть салон нашего самолёта. Наша авиакомпания вынуждена отказать Вам в услугах. Стоимость билета Вам компенсируют». Чеченка: «Но почему?!» Стюардесса: «Я всё сказала. Видите, пассажиры возмущаются. Сейчас обстановка такая. Все боятся». Кто-то из пассажиров выкрикнул: «Мало ли что её досмотрели, а может она проглотила что-нибудь, что взорвётся». И все поддержали. Её высадили. В чём дело? Мы будем так поступать со всеми темноволосыми, со всеми нерусскими? Или мы всегда к ним так относились? Мы осторожные? Может жалкие?! Мы боимся? Что я сделала? Ни-че-го! Я тоже боюсь. А ещё я тоже похожа на нерусскую. Многие политики заявляли: «Нас террористы не поставят на колени!» А мы уже на коленях:

у нас отменяются запланированные мероприятия, с самолётов высаживают людей непонятно за что, нарушая законы этики и морали. Все мы зависим от поступков друг друга, от всеобщего настроения. В моём окружении, к счастью, нет равнодушных людей. У кого получается жить по принципу: «Моя хата с краю» – молодцы! У них, наверное, свой мир».

- «Я – патриот своей Великой Страны! Я искренне против того, чтобы США диктовали России как ей строить демократию и устраивали «Российский Майдан». Я люблю свою страну, разгромившую армию Наполеона, страну, избавившую Европу от ужаса фашизма, люблю страну, отправившую в Космос первого человека! Люблю Россию, подарившую всему миру Пушкина и Достоевского, Левитана и Айвазовского, Шаляпина и Русский балет! Ещё, может это глупо сейчас, но люблю свою страну. Конечно, у нас исторически так сложилось, что народ нищий и проблем больше, чем людей. Сами про себя анекдоты придумываем. Знаете вот этот: «В России две беды: дураки и дороги, а когда Президент едет куда-то, то первая начинает судорожно решать вторую». Смешно же? А на самом деле грустно. У меня есть друг, он коренной англичанин и живёт в Англии, так он все время мне удивляется, как я за свою страну переживаю».

- «К сожалению, определить мою личность у вас не составит труда, но, всё же, постараюсь написать максимально объективно и честно. Родился я тогда, когда СССР ещё официально существовал, а Россия только планировала оформиться в государство. Времена тогда были тяжёлые, ведь государство трясло, а страдали люди. Бандитские разборки, торговля блестящими платьями на рынке, нищета и разруха. Вот, что было в те времена. Но я этого не видел. Это уже позже я понял, насколько счастливым было моё детство. Жил я тогда с мамой и бабушкой и был центром нашей маленькой вселенной. Нет, меня не баловали, но любили и всячески заботились. У меня всегда было много игрушек, так как моя мама никогда не умела экономить на развлечениях. Я до сих пор помню свою полку, полностью заставленную игрушками из киндер сюрпризов, а ещё помню, как меня ставили в пример моему другу. Ему говорила его мать: «Вот видишь Стас, как здесь всё аккуратно и чисто, а ты все время игрушки разбрасываешь». Тогда у меня было много друзей, и все они были самые разные. Одни – дети из простых семей, другие хулиганы от неблагополучных родителей, третьи – дети бизнесменов. И тогда мы все гуляли вместе. Почти всё детство я провёл во дворе за разнообразными играми, правда, не все они были безобидными. Там я попробовал курить и пить пиво. Хотя баловался я такими «взрослыми развлечениями» недолго, не понравился мне вкус сигарет и пива. В детстве было много светлых моментов, наверное, случались и не приятные ситуации, но память их стёрла, оставив лишь чистые детские воспоминания».

Хотелось бы обозначить ещё один аспект этого исследования. Созданная методика позволила увидеть процессы, которые мы называем латентными. Подробно проблема насилия в семье описана в моей статье: «Опыт исследования проблемы семейного насилия» [Попова, 2012: 124] Здесь же приведу только несколько цитат, чтобы показать, что такую информацию вряд ли можно было бы получить другим способом.

- «В нашей семье часто были скандалы. Отец избивал маму. Мы с моим младшим братом всегда её защищали. Маме было нельзя сходить на корпоратив, встречу одноклассников, на день рождения к подруге. Каждый раз это заканчивалось истериками и побоями. Мы (мама, я и брат) ночью уходили к бабушке (маминой маме). Там мы жили дня три, а может неделю. У нас было большое хозяйство: куры, коровы, свиньи. Мама тайком ходила их кормить. Папа пил. Очень страшно. Это тоже одна из причин скандалов. В нашем доме часто появлялся милиционер. Иногда папу забирали в милицию на сутки. Когда он возвращался, то снова устраивал скандал. Меня папа тоже бил. Брата не трогал. Он был очень больным. Я всегда защищала маму. Когда они дрались, я бегала возле них и кричала, пыталась разнимать. Меня всегда отшвыривали. Помню момент, когда я не в силах была остановить очередную драку родителей, я просто разбила рукой стеклянную дверь. Только после того, как они увидели кровь и услышали дикие крики, они остановились. В 5 лет я страдала бессонницей, ужасно заикалась, а потом и вовсе перестала говорить. В 9 лет у меня начали появляться седые волосы, а уже сейчас в 20 мне просто не обойтись без краски. Я научилась определять настроение родителей. Выучила поведение отца. Распознавала в интонации, взглядах, предстоящий скандал. Если папа говорил, что на стадионе возле школы играют и разрешал мне пойти туда, то это означало приближающуюся драку. Папины попойки всегда заканчивались одинаково: его увозили в больницу, откачивали капельницами. Эти процедуры были по тем временам очень дорогими — 500 рублей. Мама всегда с трудом находила деньги, чтобы заплатить за лечение. Я даже сама копила, потому что знала, что все вновь повторится. Кстати, деньги нам с братом давали бабушка и дедушка. По 10 рублей в месяц».
- «Так получилось, что мои родители развелись, когда мне было 4 года. Отец сильно пил. А когда он выпьет, он себя не контролирует. Я никогда не забуду эти постоянные скандалы, как мы со старшей сестрой прятались от него. Он бил окна

в доме, бил маму, поджигал дом, когда мы в нём были. И последней каплей для моей мамы стало, когда он выстрелил в меня из ружья. Он промахнулся. В итоге отца посадили. В связи с этим я была ребёнком с неуравновешенной психикой, запуганная, мне было тяжело общаться со сверстниками. Мы с сестрой были предоставлены сами себе, так как маме приходилось работать на трёх работах, чтобы содержать нас».

• «...Со временем, конечно, мы привыкли. Мама создавала уют, это было наше семейное гнёздышко и мы были благодарны Богу, чтоб пусть он и маленький уголок, но зато свой. Правда на самом деле семья у нас состояла не из 3, а из 2х человек. Это Я и моя мама. Отчим пил. Хотя, наверное, зря я пишу «отчим», не смотря ни на что, я по-прежнему называю его папа. Пил, без рукоприкладства не обошлось. Первое время меня он не трогал, бил только маму и всё это всегда происходило на моих глазах. Часто уходили ночевать к маминим подругам, когда-то удавалось снимать комнату в гостинице на одну ночь, порой и на несколько дней, а один раз и вовсе провели ночь на чердаке общежития. Мне было 7, очередной скандал. Мама просто успела схватить меня спящую из кровати и выбежать из комнаты в одном халате и босиком. На дворе ночь, вещи все в комнате, идти уже было не к кому, да и не в чем, зима, так и провели мы ночь на чердаке общежития. Я, конечно же, быстро уснула в нежных и тёплых руках мамы, но она не спала. Столько времени уже прошло, но до сих пор без слёз это всё не вспомнить. Каждая получка заканчивалась дракой. Моими истериками, маминими побоями. Не раз маму спасали соседи. Не раз мы уходили, но в итоге возвращались. Чужой город. Мы с мамой были совсем одни. К подругам ночевать идти было уже стыдно, ночевали у мамы на работе».

Итак, хотелось бы отметить, что в качественном исследовании предметным полем выступает практика повседневной жизни как единственная социальная реальность. Поэтому в таких исследованиях делается акцент на изучении социального с точки зрения индивида, действующего в социальной реальности. Мы, профессиональные социологи, должны доказать обществу, что социология – это наука про общество и для общества. Причины того, что она и по сей день испытывает серьёзные трудности, в России носят объективный характер: заидеологизированное прошлое, нередко заказное настоящее, отсутствие достаточного количества профессиональных специалистов в начале перестроечного становления, политизация эмпирических исследований электорального поведения, открытие социологических факультетов, на которых нет ни одного профессионального социолога, недостаточное количество патриотов своей науки, раскол внутри корпорации. Остаётся только верить в будущее российской эмпирической социологии.

Список литературы

Бургос М. История жизни. Рассказывание и поиск себя // Вопросы социологии. 1992. № 1-2. С. 121-133.

Готлиб А. С. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: Универс-групп, 2004. — 448 с.

Готлиб А. С. Социально-экономическая адаптация россиян: опыт сочетания качественной и количественной методологий в одном отдельно взятом исследовании. // Социология 4М. 2000. Т. 12. С. 5-24.

Каган М. С. Мир общения. Проблема межсубъектных отношений. М.: Политиздат, 1988. — 319 с.

Попова И. В. О влиянии взаимоотношений между информантом и интервьюером в автобиографическом исследовании на содержание получаемой информации. Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие. Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса // [Электронный ресурс] / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. — М.: РОС, 2012.-CDROM. С. 183.

Попова И. В. Автобиографический нарратив «история жизни» в контексте культурно-исторической традиции. // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. — Кострома, 2011. Т. 17. № 5-6 (ноябрь-декабрь).

Попова И. В. Опыт исследования проблемы семейного насилия // Научный диалог. История. Социология. Культурология. Этнография. 2012. № 4. С. 124-135.

On the Issue of Future and Value of Empirical Sociology in Russia

Popova Irina Viktorovna

Doctor of Sociological Science, professor of the chair of social technologies, faculty of socio-political sciences Demidov Yaroslavl State University.

Soyusnaya st., 141, 150000, Yaroslavl, Russia. E-mail: pivik@list.ru

Abstract. The article raises such problems of the state of empirical sociology as professional qualification of the young generation of Russian sociologists, incompetent use of social study methods in related sciences, and public negative attitude of sociologists themselves towards quantitative sociology. The author proves that the

stand of sociologists engaged in self-criticism is not corroborated by convincing arguments that would prove the ineffectiveness of the opinion poll method. The problem is that the researchers themselves fail to comply with the requirements of the sampling method and the development of tools.

The article describes the author's methods of longitudinal study performed by means of narrative interview and contains a personal autobiography written by the narrator (written tradition). The author shows what a deep access to the subjective world one can get with the help of a method characterized by its fully expressed subjectness. The methods developed by the author are remarkable because they leave no doubt that in this case the relations between the interviewer and the informant are interpersonal relations of two subjects of communication, which makes them dialogue relations, although the communication is carried out through a transcript. This has a considerable impact on the possibility of recording social processes, which is particularly important in the age of changes. The narrative message, consisting in describing one's life journey as a history of relations between the individual and society in the form of an autobiography, has enabled the informant to arrange the reality of his life the way he sees it at this moment.

The article contains a description of obtained results which deserves publication for enriching the theory of qualitative sociology on the one hand, and for better understanding of social reality on the other. The task of understanding social reality results from the processes going on within the society at the turn of a new era of its existence, and this is unique in itself.

Keywords: quantitative sociology, qualitative sociology, narrative interview, narrative message, transcript.

REFERENCES

Burgos M. Istoriya jisni. Rasskazyvanie i poisk sebja. [*Life story. Storytelling and search yourself*]. J. Voprosy sociologii. 1992. № 1-2. (In Russ.).

Gotlib A. S. Kachestvennoe sociologicheskoe issledovanie: posnavatelnye i eksistenzialnye gorizonty. [*Qualitative sociological research: cognitive and existential horizons*]. Samara: Univers-grup, 2004 – 448 s. (In Russ.).

Gotlib A. S. Socialno-economiceskaya adaptazija rossijan: opyt socetania kachestvennoi i kolicestvennoi metodologii v odnom otdelno vsyatom issledovanii. [*Socio-economic adaptation of Russians: experience combining qualitative and quantitative methodologies in one particular study*]. J. Sociologiya 4M. 2000. T. 12. (In Russ.). PP. 5-24.

Kagan M. S. Mir obshenia. Problema megsubiektnyh otnosheniy. [*The world of communication. The problem of intersubjective relations*]. M.: Politisdat. 1988. (In Russ.). – 319 p.

Popova I. V. O vliyanii vzaimootnosheniy mezhdu informantom v avtobiograficheskom issledovanii na sodержanie poluchaemoi informazii. [*On the influence of the relationship between the informant and the interviewer in his autobiographical study on the content of the information received*]. V kn.: Siciologiya i obchestvo: globalnye vysovy i reogionalnoe rasvitie. Materialy IV Ocherednogo Vserossiskogo sociologicheskogo kongressa. [Elektronyi resurs]. ROS, IS RAN, AN RB, ISPPI. – M.: ROS, 2012. CDROM. s. 183. (In Russ.).

Popova I. V. Avtobiograficeskii narrativ “istoriya ghisni” v kontekste kulturno-istoriceskoi tradizii. [*Autobiographical narrative “life story” in the context of the historical and cultural traditions*]. J. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova. – Kostroma. 2011. T. 17. № 5-6 (noyabr-dekabr). s. 270-293. (In Russ.).

Popova I. V. Opyt issledovaniya problemy semeinogo nasilia. [*Research experience problems of family violence*]. J. Nauchnyi dialog. Istoriya. Sociologiya. Kulturologhiya. Etnographiya. 2012. № 4. s. 124. (In Russ.).